

*Эта книга посвящается
Косарю, Скрапу, Джимми, Дино, Микки, Тэму, Саймону,
Майлзу, Скотту и Кроуфу за умение держаться вместе,
даже когда земля уходит из-под ног*

Glue: клей, *суц.* — неочищенное желе, получается путем варки костей животных, используется как связывающее вещество.

Чемберсовский словарь XX века

1 | **В РАЙОНЕ 70-х: ЗА СТАРШЕГО**

WINDOWS '70

Солнце, вышедшее из-за бетонной коробки блочного дома напротив, ударило им прямо в лицо. Яркие лучи ослепили Дейва Гэллоуэя так неожиданно и коварно, что он чуть не выронил стол, который с трудом тащил. В новой квартире было уже довольно жарко, и Дейви чувствовал себя как неведомое экзотическое растение, сохнущее в перегретой оранжерее. Это все окна, они такие здоровые, оттого и столько солнца, думал он. Поставив стол, он выглянул вниз, оглядел квартал.

Дейви чувствовал себя только что коронованным императором, осматривающим свои владения. Новые дома впечатляли: освещенные солнцем, они приятно поблескивали, искрились камешками, вставленными в швы между бетонными блоками. Светло, чисто, просторно, тепло, что еще надо. Он вспомнил сырую темную квартиру, стены, покрытые сажей и въевшейся грязью, не смываемой целыми поколениями с тех пор, как город получил прозвище Старый Вонючка. За окном мрачные узкие улицы, по которым, сжимаясь и покачиваясь от пронизывающей до костей зимней стужи, бредут люди. И этот гнусный пивной смрад, что заполнял комнату, как только откроешь окно, всегда вызывал в нем приступ тошноты, если он перебрал накануне в пабе. Все это в прошлом, настали новые времена. Вот как надо жить!

Большие окна олицетворяли для Дейва Гэллоуэя все то хорошее, что принесла программа сноса ветхих зданий. Он обернулся к жене, которая натирала плитусы. Зачем натирать плитусы в новой квартире? Однако Сьюзен стояла на коленях, облаченная в комбез, и ее густая черная копна покачивалась, свидетельствуя о безумной активности.

— Что мне больше всего в этих домах нравится, — рискнул Дейви, — так это большие окна. Пусть солнце светит, — добавил он и взглянул на чудную коробочку, вбитую в стену над ее головой. — Центральное отопление на зиму, тут уж ничего не скажешь. Щелкнул выключателем — и готово.

Сьюзен встала медленно, из-за начинавшей сводить ногу судороги. Она вспотела и затекшей до бесчувствия ногой принялась топтать, чтобы восстановить кровообращение. На лбу собрались капельки влаги.

— Какая жара, — посетовала она.

— Ладно тебе, — оживленно замотал головой Дейви, — бери, пока дают. Это же Шотландия, тепло здесь не задерживается.

Глубоко вздохнув, он взялся за стол и возобновил свою жаркую схватку, стараясь переместиться в кухню. Стол был новый, хитроумной работы, с покрытой пластиком поверхностью и все норовил переместить центр тяжести и рассыпаться на части. Будто с гребаным крокодилом бьюсь, подумал он, и зверюга, конечно, тут же цапнула его за пальцы. Он быстро отдернул руку, засунул пальцы в рот, а стол грохнулся об пол.

— Сс... суп, — сдержался Дейви.

Он никогда не произносил бранных слов в присутствии женщины. В пабе, пожалуйста, выражайся, но при женщинах — ни-ни. Он прошел на цыпочках мимо детской кроватки. Ребенок еще крепко спал.

— А я тебе говорила, дай помогу, Дейви, так ты и стол сломаешь, и без пальцев останешься, — запричитала Сьюзен. Она медленно покачала головой, взглянув на люльку. — Странно, что ты ее не разбудил.

Дейви почувствовал раздражение в ее голосе.

— Тебе вообще этот стол не приглянулся, верно?

Сьюзен Галлоуэй снова покачала головой. Она окинула взглядом новый кухонный стол, новый гарнитур, новый кофейный столик, новые ковры. Все это таинственным образом привезли вчера, пока она вкалывала на винокурне, виски купажировала.

— Ты чего? — Дейви взмахнул пораненной рукой. Он почувствовал, как не по-доброму сверкали на все это ее большие глаза.

— Где ты все это взял, Дейви?

Он не любил, когда она задавала такие вопросы. Этим она все портила, забивала между ними клин. Все, что он делал, было ради них, ради Сьюзен, малышки, пацана.

— Не задавай вопросов, и мне не придется врать.

Он улыбнулся, но взглянуть на нее не смог. Этот ответ удовлетворил его не больше, чем ее. Вместо этого он наклонился и поцеловал свою дочурку в щеку.

Подняв глаза, он спросил вслух:

— А где Эндрю? — Он мельком взглянул на Сьюзен.

Та обиженно отвернулась. Он опять прятался, прятался за детишками.

Дейви вышел в коридор, стараясь остаться незамеченным, с осторожностью траншейного солдата, опасующегося снайперов.

— Эндрю, — выкрикнул он. Его сын прогремел вниз по лестнице. Крепкая, плотно сбитая боевая единица с такой же копной темных волос, как у Сьюзен, только остриженных до минимума, проследовала за Дейви в гостиную. — Вот он, — радостно отрапортовал он Сьюзен. Заметив, что она намеренно его игнорирует, он повернулся к мальчику и спросил: — Ну что, нравится тебе там, наверху, в твоей новой комнате?

Эндрю посмотрел на него, потом на Сьюзен.

— Я нашел книгу, у меня такой раньше не было, — честно признался он.

— Вот и хорошо, — сказала Сьюзен; она подошла и сняла нитку с полосатой футболки Эндрю.

Взглянув на отца, Эндрю спросил:

— Пап, а когда у меня будет велик?

— Скоро, сынок, — улыбнулся Дейви.

— Ты говорил, что когда пойду в школу, — сказал Эндрю по-детски искренне, и во взгляде больших карих глаз почувствовался упрек, но помягче, чем у Сьюзен.

— Так и есть, дружок, — признал Дейви, — и осталось совсем недолго.

«Велосипед? Откуда это у него деньги на чертов велосипед?» — думала Сьюзен Гэллоуэй и подрагивала, как от холода, стоя под ослепительным жарким летним солнцем, безжалостно бьющим в широкое окно.

ТЕРРИ ЛОУСОН

Первый день в школе

Маленькие Терри и Ивон Лоусон сидели за деревянным столом в «Лощине», на огражденном бетонными стенами пространстве, которое называлось пивным садиком, пили сок и хрумкали картофель. Они смотрели за ограду, где возле крутого берега искусственного водоема Воды Лита копошились утки. Через несколько секунд трепет и восхищение сменила скука; сколько можно смотреть на уток, а Терри было о чем подумать. Сегодня у него был первый день в школе, и ему там не понравилось. Ивон пойдет в школу на следующий год. Терри сказал ей, что ничего хорошего там нет и что он даже напугался, но теперь они были с мамой, и папа тоже был с ними, теперь все было в порядке.

Мама с папой разговаривали, и дети понимали, что мама сердится. Они слышали, как она спросила:

— И что это ты должен мне сказать?

Терри посмотрел на папу, тот улыбнулся, подмигнул ему и только потом повернулся к матери и спокойным тоном произнес:

— Не при детях.

— Не притворяйся, будто тебе не все равно, — усмехнулась Элис Лоусон. Голос ее неуклонно и неумолимо звучал все громче, как мотор самолета на взлете. — Тебе б избавиться от них поскорее! Нечего притворяться!

Генри Лоусон огляделся, не слышал ли кто. Парочка старых, не в меру любопытных пердунов уставилась, да он так зыркнул, что те потупились. Назойливые уроды, суют свой нос, куда не следует. Он снова заговорил напряженным шепотом, сквозь зубы:

— Я тебе уже говорил, без опеки они не останутся. Сколько, бля, тебе повторять. Мои, блядь, дети, — рявкнул он, и на его щеке проступили жилы.

Генри знал, что Элис всегда хотелось верить в лучшее в людях. Он прикинул, что, подпустив толику сдерживаемого возмущения, толику оскорбленной добродетели, он сможет придать своему голосу тон, который даст понять, что помыслить, будто он (несмотря на все промахи, которые и сам готов признать) готов оставить своих детей без опеки, — это уже наглость, переходящая все границы, даже принимая во внимание эмоциональный накал, сопровождающий разрыв их отношений. На самом деле именно подобные обвинения и заставили его пасть в объятия Пола Маккей, незамужней женщины из Лита.

Пола, милая девушка, чьи неоспоримые достоинства и высокая добродетель многократно ставились под сомнение озлобленной Элис. Не была ли Пола единственной сиделкой своему отцу Джорджу, владельцу таверны «Порт-Саншайн» в Лите, пораженному раковой опухолью? Пройдет немного времени, и Поле, чтобы пережить все эти трудности, понадобится всемерная поддержка. Генри станет для нее каменной стеной.

Да и его имя постоянно поливалось грязью, но великодушный Генри был готов признать, что в моменты, когда эмоции бьют через край, люди часто говорят необдуманно. А разве ему не больно от разрыва их отношений? Ему ли не тяжелей пережить все это — ведь он вынужден оставить своих детей. Потупив взор, Генри блеснул влажными глазами и подпустил комок к горлу. Он рассчитывал, что Элис заметит это и что этого будет достаточно.

Похоже, сработало. Послышались булькающие звуки — похожие на ручей перед ними, подумал он, — и он растрогался настолько, что положил свою руку на сотрясающиеся плечи.

— Пожалуйста, Генри, останься.

Элис дрожала, прижимаясь головой к его груди. Ноздри наполнил аромат «Олд-спайса», исходящий от его наждачного подбородка. Черные тени ложились на лицо Генри даже не к вечеру — к полудню он уже покрывался щетиной, и бриться ему приходилось по крайней мере дважды в день.

— Будет тебе, — заворковал Генри. — Нечего тебе беспокоиться. У нас дети — наши с тобой дети.

Он улыбнулся и, протянув руку, взъерошил кудрявую копну малыша Терри. Надо сказать, чтоб почаще его в парикмахерскую водила, подумал он. А то ходит как чучело огородное. Еще, чего доброго, вырастет парень со странностями.

— Ты так и не спросил, как там у него в школе.

Элис выпрямилась. Она снова сконцентрировалась на происходящем, и горечь и обида опять подступили к ней.

— Да ты не даешь мне ничего спросить, — раздраженно отрезал Генри.

Его ждала Пола. Ждала его поцелуев, прикосновений его руки, которая теперь лежала на плечах Элис. Плачущей, опухшей, оплывшей Элис. Какой контраст с молодым телом Пола, крепким, гибким, нерожавшим. Да какое тут может быть сравнение.

Под воздействием его слов, запахов и сильных рук ей сложно было собраться с мыслями, но, когда она поняла, что, в сущности, происходит, в груди начала пульсировать незатихающая боль. Элис собралась с силами и выдала:

— Он ревел всю дорогу. Чуть глаза не заплакал.

Это рассердило Генри. Терри был на год старше своих одноклассников — прошлый год он пропустил из-за менингита. Кто-то, а уж он-то *не должен* был плакать. Это все Элис виновата. Она его испортила. Из-за болезни до сих пор возится с ним, как с младенцем. Теперь-то парень уже в полном порядке. Генри хотел было и по прическе проехаться, мол, чего от него ждать, если он ходит как девчонка. Но Элис устала на него в упор, и в глазах ее горели сотни обвинений. Генри отвернулся. Она взглянула на его подбородок, на крепкую шею и почти машинально перевела взгляд на Терри.

Всего полтора года назад мальчик был так болен. Он едва выжил. И вот Генри кидает их всех, кидает ради нее: грязной, неразборчивой сучки.

Беспощадная реальность ударила её в грудь, и Элис даже не попыталась съежиться, уйти от удара.

БАХ

Элис еще сидела с гордо поднятой головой, чувствуя на плечах его вялую руку. Следующий приступ мучительной боли будет, конечно же, полегче прежнего

БАХ

Когда же станет легче, когда же стихнет боль, когда она, они переживут это

БАХ

Он уходит от них — к ней

И тут якорь его руки отпустил Элис, и она поплыла в окружающем ее воздушном пространстве. Периферийным зрением она видела, как он подкинул Ивон в воздух, потом собрал детей в охапку, обнял обоих; прошептал на ушко важные наставления, как тренер школьной команды по футболу, подбадривающий игроков в перерыве.

— Папа устроился на новую работу, и теперь он часто будет в разъездах. Видите, как мама расстраивается? — Генри не видел, как Элис сначала вся вытянулась, напряглась, а потом обмякла, как подкошенная его словами. — Это значит, что вы оба должны будете ей помогать. И чтоб я больше не слышал, что ты ревешь в школе, Терри. Ревут только глупые девчонки, — сказал он сыну, подставив кулак под мальчишеский подбородок.

После чего Генри порывлся в карманах брюк и выудил пару монет в два шиллинга. Одну он сунул в руку Ивон, сохранившей беспристрастное выражение, в то время как глаза Терри округлились и загорелись предвкушением.

— Запомни, что я тебе сказал, — улыбнулся Генри сыну, прежде чем выдать ему такой же презент.

— Папа, ты будешь к нам приходить? — спросил Терри, не отрывая глаз от серебряной монеты на ладонке.

— Ну конечно, сынок! Мы пойдем на футбол, смотреть «Джем-тартс»!

От этих слов Терри воспрял духом. Он улыбнулся папе и снова уставился на даренные два шиллинга.

Элис ведет себя очень странно, размышлял Генри, поправляя галстук и собираясь откланяться. Просто сидит вся скукоженная. Ну что, он свое слово сказал, дал ей все гарантии. Он будет рядом, будет присматривать за детьми, будет водить их в «Милк-бар» на молочный коктейль или в «Браттисанни» есть рыбу с картошкой. Они это дело любят. Продолжать разговор с Элис резона не было. Она только озлобится, детям это видеть не следует. Лучше всего просто потихоньку слиться.

Генри стал продираться меж столов. Он снова зыркнул на старческую парочку. Те глаз не отвели и вызывающе уставились на него. Он пробрался к их столику и, указывая на нос, сказал мертвецки спокойным тоном:

— Прибор этот держите подальше от окружающих, а не то сломается на хер.

Старики онемели от такой дерзости. Задержав на секунду тяжелый взгляд, Генри изобразил лучезарную улыбку и пошел к задним дверям паба, не взглянув ни на Элис, ни на детей.

На сцену лучше не нарываться.

— Ну ты кремень! — выкрикнул Дейви Гирван и встал, намереваясь пойти за Генри. Но тут его осадила жена, Несси:

— Да сядь ты, Дейви, не связывайся со всяким сбродом. То ж отребье, а ты...

Дейви неохотно сел на место. Этого парня ему нечего было бояться, просто он не хотел заваривать кашу при Несси.

В пабе, по пути к выходу, Генри обменялся несколькими кивками и «привет, как делами». Старина Дойл был с одним из своих пацанов, Герцогом, кажется, и еще с каким-то придурком. Вот, пожалуйста, клан гангстеров: папаня — лысый, жирный, скорченный, как припадочный Будда, Герцог Дойл с тонкими редящими волосками, все еще собранными в кок а-ля «теддибой», чернеющими зубами и печатками на пальцах. Он кивнул медленно, ослабившись по-акульи. Да, подумал Генри, крайины — лучшее место для этой публики. Чем хуже здесь, тем лучше в центре. В воздухе тяжелой тучей висело почтение, которое остальные выпивохи испытывали к мужчинам, сидящим за столом, где за игрой в домино по рукам ходили суммы побольше, чем каждый из них получал за месяц на местной стройке или фабрике. В этот паб Генри ходил с тех пор, как они пере-

ехали. Были пабы и поближе к дому, но он предпочитал этот. Здесь наливали приличную пинту «Тартан-спешиап». Но сегодня он пришел сюда в последний раз, во всяком случае он еще долго здесь не появится. Ему здесь особо никогда не нравилось, подумал он, выходя на улицу; у черта на куличках. Нет, пожалуй, сюда он больше не вернется.

Во дворе Несси Гирван вспоминала передачу про голод в Биафре, которую она посмотрела накануне вечером. Бедняжки, посмотреть на такое — прямо сердце разрывается. А вот попадают ж упыри, и таких — пруд пруди. Она не понимала, зачем некоторые заводят детей.

— Да он просто самец, животное, — сказала она Дейви.

Дейви клял свою нерасторопность. Надо было живее пойти за ним. Это ж записной мерзавец: весь смуглый, взгляд злой, нечистый. Дейви и не таких валил, но когда это было.

— Если б Фил с Алфи были здесь, он бы так не умничал, — сказал Дейви. — Когда я вижу такую сволочь, жалею, что сам уже немолод. Пять минут, и все дела... боже...

Дейви Гирван прервался, не веря своим глазам. Малыши пролезли в дырку в проволочной ограде и теперь катились вниз, к реке. Мелкая на этом участке, она была опасна ямами с водоворотами и крутым скошенным берегом.

— ДАМОЧКА! — закричал он женщине, неистово тыкая пальцем в сторону бреша в ограде, — ЗА ДЕТЬМИ БЫ СМОТРЕЛИ, РАДИ БОГА!

Ее дети

БАХ

В слепом ужасе Элис оглянулась, заметила дырку в ограде и побежала к ней. Дети стояли на полпути к крутому берегу.

— Ивон! Иди ко мне, — попросила она со всем хладнокровием, на которое была способна.

Ивон оглянулась и хихикнула.

— Не-а! — прокричала она.

БАХ

Терри держал в руке прут и бил по высокой траве, скашивая верхушки.

— Вам тогда не достанется конфет и сока, — взмолилась Элис. — А у нас еще здесь мороженое!

Детские глазки засветились пониманием. Сообразив, Ивон и Терри быстро вскарабкались к забору и пролезли сквозь дырку. Элис хотела отлупить их, выбить из них душу

она хотела выбить душу из него

Элис Лоусон разразилась сильными рыданиями, что есть сил прижала к себе детей, судорожно шаря по волосам, растирая им спины.

— А где же мороженое, ма? — спросил Терри.

— Вот сейчас пойдем и купим, сынок, — переведя дух, сказала Элис, — прямо сейчас.

Дейви и Несси Гирван смотрели, как сломленная женщина нетвердой походкой направилась к выходу. Дети схватили ее за руки, и было в них столько жизненной энергии, что она казалась совершенно, окончательно опустошенной.

КАРЛ ЮАРТ

Производство

Мельчайшая металлическая стружка висела в густом, как пыль, воздухе. Дункан Юарт чувствовал, как она заполняет его легкие, застревает в ноздрях. К запаху можно было привыкнуть, он чувствовался, только когда к нему примешивался другой аромат. Сейчас он соперничал с более приятным запахом бисквита с кремом, который доносился через машинный цех из столовой. Каждый раз, когда открывались шарнирные двери кухни, Дункан вспоминал, что скоро обед, да и выходные не за горами.

Он ловко управлялся с токарным станком, слегка жулил, приподнимая защитную крышку, чтоб получше обточить кромку обрабатываемой детали. Это нарушение, думал он, и как профсоюзный уполномоченный по цеху он наорал бы на всякого, кто попытался бы упростить процесс таким образом, пренебрегая правилами техники безопасности. Хочешь рискнуть своими пальцами в пользу богатых держателей акций, которые живут где-нибудь в Суррее? С-с-сука, как он разошелся. Но это его работа, он вовлечен в производственный процесс. В этом мире он вращается практически без остановки, каждый день с девяти до пяти тридцати. Он просто старается сделать его лучше, насколько это возможно.

На краю поля зрения появились неясные очертания, которые прояснились, когда мимо прошел Тони Рэдден уже без защитных очков и перчаток. Дункан взглянул на свои новые ультрасовременные электронные часы. 12.47. Что за херня? Уже почти без десяти. Пора собираться на обед. Дункан снова принялся рассуждать над сложившейся дилеммой, с которой он сталкивался уже не первое пятничное утро.

Сегодня выходил новый сингл Элвиса, «The Wonder of You»¹. На этой неделе его постоянно крутили по «Радио-один». О да, король снова на вершине славы. «In the Ghetto»² и «Suspicious Minds»³ были еще лучше, но дальше второго места им не податься. Этот сингл более коммерческий, баллада, которую легко напевать, и Дункан полагал, что она будет в топе. Он уже представлял себе, как люди подпевают ей пьяными голосами, танцуют под нее медленные танцы. Если ты смог заставить слушателей петь и плясать — значит ты выиграл. Обеденный перерыв — шестьдесят жалких минут, а автобус номер один до пластиночного магазина «Лит-энд-Ардс» шел пятнадцать минут туда и столько же обратно. Достаточно, чтобы купить пластинку и перехватить булочку с начинкой и чашку чая в «Канасте». Нужно было четко выбрать между приобретением пластинки и приятным времяпрепровождением за пинтой с мясным пирогом в «Спиэрс-баре» — ближайшем к фабрике пабе. Но сейчас дразнящие запахи столовой возвещали приход пятницы, а значит, будет знатный обед. По пятницам они особенно старались, чтобы в паб рабочие шли не в обед, а после работы, иначе высокая производительность труда и последние рабочие часы недели никак не женились.

Дункан выключил станок. Элвис Аарон Пресли. Король. Вне конкуренции. Пластинке быть. Он опять посмотрел на часы и решил так и отправиться, прямо в комбинезоне. В нетерпении он ударил по часам и побегал, чтобы успеть на автобус, отходящий от проходной. Дункан добился от руководства установки шкафчиков, чтобы рабочие могли ездить «по гражданке» и здесь уже переодеваться в рабочую одежду. На самом деле пользовались этим новшеством не многие, да и сам Дункан не парился, если только в пятницу сразу после работы не собирался в город. Усевшись на втором этаже и отдышавшись, Дункан зажег сигарету «Регал» и подумал, что если ему удастся купить пластинку с «The Wonder of You», то сегодня же вечером он

¹ «Ты — чудо» (англ.).

² «В гетто» (англ.).

³ «Подозрительные умы» (англ.).

поставит ее в клубе «Тартан» с Марией. Урчание автобусного мотора будто эхом вторило его довольному мурлыканью на душном солнцепеке.

Да, выходные, похоже, складывались удачно. Завтра «Данфермлайн» играет с «Килли», и Томми Маклин уже оправился после травмы. Малыш будет крутить фентеля, на которых уже поднаторели Эдди Морисон и этот новичок — Мэти. Да, Мэти и другой, еще молодой пацан, Макшерри его звать, оба, похоже, были многообещающими игроками. Дункан любил ходить на «Данфермлайн», он считал эту команду чем-то вроде «Килмарнока» с Восточного побережья. Обе команды из шахтерских городков за последние десять лет добились настоящей славы и вступили в борьбу с лучшими клубами Европы.

— С этими автобусами каши не сварить, — закричал на него старикан в фланелевой рубаше, попыхивая «Капстаном», чем и сбил его с мысли. — Двадцать пять минут прождал. Неча было убирать все трамваи.

— Это точно, — улыбнулся Дункан, снова мягко погружаясь в предвкушение выходных.

— Неча все трамваи было убирать, — повторил сам себе старик с трубкой.

Со времен эдинбургского изгнания Дункан в основном проводил субботние вечера между «Истер-роуд» и «Тайнкасл»¹. Последний ему всегда нравился больше и совсем не из-за удобств, просто это место напоминало ему тот великий день сезона 1964 года, когда в финале чемпионата, чтобы выиграть кубок, «Хартс» нужно было всего лишь сделать с «Килли» ничью. Они даже могли позволить себе проиграть один—ноль. «Килмарнок» же должен был выиграть с преимуществом в два мяча, чтобы впервые в истории поднять свой флаг над стадионом. Никто, кроме айширцев, в это не верил, но когда Бобби Фергюсон буквально спас ворота от Алана Гордона, Дункан знал,

¹ Easter Road и Tynecastle — стадионы в Эдинбурге. Хозяева первого — клуб «Hibernian» (от латинского названия Ирландии, то есть изначально клуб был организован ирландскими католиками), вторым владеет клуб «Hearts» (полностью — «Heart of Midlothian», по названию романа Вальтера Скотта «Сердце Мидлотиана»); оба клуба существуют с середины XIX в.

что это будет их день. И когда потом он три дня отмечал с друзьями победу, Мария даже слова не сказала.

Они тогда только обручились, и вести себя так было рискованно, но она все отлично поняла. И в этом было ее чудесное качество, она понимала, что для него значит эта победа, ему даже не пришлось объяснять. Она знала, что он не любитель всяких вольностей.

«The Wonder of You». Дункан подумал о Марии, как ему сказочно повезло, как посчастливилось встретить ее. Как он поставит ей вечером эту пластинку, ей и пацану. Выходя на Джанкшн-стрит, Дункан размышлял о том, что музыка всегда была стержнем его жизни, как он до сих пор трепещет от ребячьего восторга, когда покупает свежую пластинку. Рождественское утро — каждую неделю. Это чувство предвкушения: ты не знаешь, есть ли еще то, что тебе нужно, или все уже распродано. Ему даже иногда приходилось в субботу утром ехать в «Бэндпартс», чтоб уж достать наверняка. Когда он подходил к магазину «Ардс», в горле у него защемило, в груди забилось сердце. Он дернул за дверную ручку, вошел и сразу направился к прилавку. Там стояла Биг-Лиз: толстый слой косметики и шлем из твердых, залакированных волос. Глаза ее просветлели при виде знакомого. В руках она держала «The Wonder of You».

— Я подумала, что тебе пригодится, Дункан, — сказала она и зашептала: — Специально для тебя приберегла.

— Отлично, Лиз, ты гений, — улыбнулся Дункан, легко расставаясь с десяткой.

— С тебя выпивон, — сказала она, поднимая брови домиком и обрушивая на него всю мощь своего кокетства.

Дункан изобразил неопределенную улыбку.

— Если доберется до первого места, — ответил он, стараясь, чтоб овладевшее им смущение не чувствовалось в голосе.

Говорят, когда женишься, девки привечают даже больше; похоже на правду, подумал он. А может, просто замечаешь больше.

Лиз засмеялась слишком усердно над этой одноразовой шуткой, отчего Дункану захотелось поскорей уйти из магазина. Открывая дверь, он услышал:

— Я тебе еще напомню про наш разговор!

Еще несколько минут Дункан чувствовал себя как-то неуютно. Он подумал о Лиз, но даже здесь, у дверей магазина, он не мог вспомнить, как она выглядит. Перед глазами у него стояла Мария.

Однако пластинка у него. Это хороший знак. «Килли» выиграют наверняка, хотя с этими отключениями электричества неизвестно, до сколько продлится матч, ведь скоро уже станет рано темнеть. И все равно это небольшая плата за то, чтобы избавиться от этого упыря Хелса с его тори. Отлично, теперь эти уроды не будут ездить на рабочем человеке.

Его родители многим пожертвовали, решив, что он не пойдет по стопам отца — в шахту. Они настояли, чтоб он поступил в обучение, чтоб за спиной у него было свое ремесло. Поэтому Дункана отправили к тетушке в Глазго, где он поступил подмастерьем в машинный цех «Киннинг-парка».

Впечатлительному парню из провинции Глазго показался огромным, живым и жестоким городом, однако он легко сходился с людьми и быстро приобрел популярность среди заводских. Лучшим его дружкой был парень по имени Мэтт Муир из Гована — записной фанат «Рейнджеров» и коммунист с партбилетом. На заводе все болели за «Рейнджеров», и, будучи социалистом, он со стыдом признавал, что место подмастерья, как и многие его сослуживцы, он получил через масонские связи его семьи. Его отец не видел никакого противоречия между франкмасонством и социализмом, и многие завсегдатаи ложи были активными социалистами и даже, как Мэтт, партийными коммунистами.

— Первые, кто получит, — это мудацье из Ватикана, — горячо объяснял он, — их сразу к стенке поставим.

Мэтт научил Дункана самому важному — как себя вести, как одеваться, куда ходить на танцы, показал парней, у которых всегда перо в кармане, а главное, кто их девчонки, с которыми, соответственно, лучше не танцевать. Потом как-то раз они поехали с друзьями в Эдинбург, где в танцзале Толлкросса он увидел девушку в голубом платье. Всякий раз, когда он на нее смотрел, ему казалось, что сердце выпрыгивает у него из груди.

Несмотря на то что Эдинбург казался расслабленной Глазго и Мэтт утверждал, что перья и лезвия здесь редкость, на танцах случилась потасовка. Дородный детина вдарил одному и хотел продолжить. Дункан и Мэтт вмешались, и им удалось уладить ситуацию. К счастью, их вмешательство спасло одного парня из той же компании, что и девушка, которую Дункан гипнотизировал весь вечер, но так и не решился пригласить на танец. И вот она перед ним, ее острые скулы и манера опускать глаза, что придавало ей надменный вид, однако впечатление это рассеивалось после первых же минут разговора.

И что лучше всего, парень, с которым он подружился, по имени Ленни, оказался братом Марии.

Номинально Мария была католичкой, хотя ее отец испытывал необъяснимую неприязнь к священникам и давно перестал ходить в церковь. В итоге жена и дети последовали его примеру. И тем не менее Дункан волновался, как отреагирует его семья, и решил съездить в Айшир, чтобы обсудить этот деликатный вопрос.

Отец Дункана был человек спокойный и рассудительный. Его стеснительность часто принимали за грубость, и впечатление это усиливалось его размерами (он был под два метра ростом), которые Дункан унаследовал вместе с соломенной шевелюрой. Отец молча выслушал его изложение, время от времени подбадривая кивком. Когда же он заговорил, у него был тон человека, которого поняли в корне неверно.

— Мне не за что ненавидеть католиков, сынок, — настаивал отец. — Я не имею ничего против религии, какой бы она ни была. Тут речь о свиньях из Ватикана, которые держат народ в невежестве, угнетают его, чтобы наполнять свои денежные сундуки, вот кого я ненавижу.

Успокоившись по этому поводу, Дункан решил скрыть свое членство в ложе от отца Марии, который масонов ненавидел, похоже, не меньше, чем священников. Они поженились в Эдинбурге, в загсе «Виктория-Билдингз», и устроили прием в пабе «Каугейт», этажом выше. Дункан боялся, что тост Мэтта Муира будет иметь розовый, если не красный оттенок, поэтому в свидетели позвал своего лучшего друга еще из школы в Айши-

ре — Ронни Ламби. Ронни, к сожалению, надрался как следует и произнес откровенно антиэдинбургский тост, огорчивший гостей, после чего, поддав еще, затеял кулачный бой. Дункан и Мария сочли это сигналом к отходу и удалились в зарезервированный номер в гостинице «Портобелло».

Вернувшись на завод, к станку, Дункан напевал «The Wonder of You». Мелодия вертелась у него в голове, как стружка от металла, уступающего кромке резца. И вот свет за огромными окнами обернулся тенью. Кто-то подошел к нему. Он выключил станок и поднял глаза.

Знакомы они не были. Так, виделись в столовой, в автобусе. Он, очевидно, не курил — всегда сидел внизу. Дункан решил, что они живут в одном квартале, ведь парень этот сходил на остановку раньше него. Росту в нем было где-то метр семьдесят, брюнет, волосы короткие, глаза оживленные. Насколько Дункан помнил, манеры у него непринужденные, был он весел, даже грубоват, что не сочеталось с его внешностью: парень по всем меркам достаточно симпатичный, вполне мог страдать бытовым нарциссизмом. Однако теперь он стоял перед ним в крайней степени возбуждения. Явно чем-то расстроенный, он выпалил:

— Юарт? Дункан? Профсоюзный по цехам?

Оба заметили дурацкую рифму и улыбнулись друг другу.

— Да, Юарт Дункан, уполномоченный по цехам. А ты кто, — продолжил шутку Дункан. Он знал эту дразнилку, только наоборот.

Однако парню было уже не до смеха. Он перевел дыхание.

— Вулли Биррелл. Моя жена... Сандра... у нее начались схватки... Аберкромби... он не отпускает меня в роддом... нужен больничный... приказ Крофтона... он говорит, что если я уйду с работы, то могу уже больше не возвращаться...

В два удара негодование заклокотало в груди Дункана, как бронхиальная слизь. Он на секунду стиснул зубы и заговорил спокойно и авторитетно:

— Поезжай в больницу прямо сейчас, Вулли. Кто может не возвращаться, так это Аберкромби. Я все улажу, у тебя на это полное право!